

А.Г. БОЛЬШАКОВ*

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье исследовано влияние цифровизации, информационной революции на развитие политического терроризма в современный период. Отмечено, что цифровизация увеличит отставание многих обществ, что повлечет за собой обострение социально-политического конфликта и рост терроризма как его особой разновидности. Одновременно она создает условия и для появления новых методов и форм политического терроризма, включая кибертерроризм. Показана взаимосвязь между современным политическим терроризмом и медийными структурами: интерес СМИ к освещению деятельности террористов и новые возможности использования СМИ террористами в цифровом обществе. Освещен вопрос о пересмотре информационной политики по проблемам терроризма и о мерах по его эффективной профилактике в целом.

Ключевые слова: политический терроризм; исследования конфликта; «цифровое общество»; кибертерроризм; сетевой терроризм; средства массовой информации и терроризм; противодействие терроризму.

Для цитирования: Большаков А.Г. Феномен политического терроризма в эпоху информационно-цифровой революции в современном обществе // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 90–106. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.05

* **Большаков Андрей Георгиевич**, доктор политических наук, заведующий кафедрой конфликтологии Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Bolshakov Andrey, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia), e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

© Большаков А.Г., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.05

A.G. Bolshakov
The phenomenon of political terrorism
in the era of informational digital revolution in modern society

Abstract. The article examines the influence of digitalization (informational revolution) on development of political terrorism in the present day. It is stated that digitalization would make many societies lag further and further behind, which would deepen the social and political conflict and empower terrorism as a special kind of such conflict. At the same time, it would create conditions for the rise of new methods and forms of political terrorism such as cyberterrorism. The author shows the relationships between political terrorism and media structures, namely the interest of the media to follow the terrorists' activities and new ways terrorists can use media in a digitalized society. The article goes on to discuss how the informational policy is changing in respect to terrorism and in general terms the measures to efficiently prevent it.

Keywords: political terrorism; conflict studies; «digital society»; cyberterrorism; network terrorism; media and terrorism; counter-terrorism.

For citation: Bolshakov A.G. The phenomenon of political terrorism in the era of informational digital revolution in modern society // Political science (RU). – М., 2018. – N 4. – P. 90–106. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.05

В современном обществе политический терроризм обычно понимается как радикальная форма социального протеста. На сегодняшнем этапе эта проблематика входит в сферу интересов многих политических и иных дисциплин, включая исследования конфликта и мира. Учитывая сенсационную динамику распространения терроризма и развитие информационных технологий, она требует постоянного мониторинга, анализа, прогнозирования, поиска путей ограничения влияния терроризма на современное общество. Появилась даже особая междисциплинарная отрасль научного знания – террология, которая претендует на особый статус в политических науках. Предметом ее внимания являются многочисленные проявления и аспекты политического терроризма.

Терроризм – сложнейший социально-политический феномен. Он динамичен, подвержен изменениям, и его сложно определить. Многие концептуальные аспекты политического терроризма не разработаны, многие имеющиеся разработки быстро устаревают. В научной литературе терроризм обычно понимается весьма широко – как политика систематического применения силы или угрозы ее применения с целью достижения политических изменений. Согласно наиболее распространенному определению американского тер-

ролога У. Лакера, он представляет собой «незаконное использование силы против невиновных людей для достижения политических целей» [Laquer, 1987, p. 97].

Политический терроризм известен человечеству много веков. Систематическое применение террора в массовом масштабе со стороны государства исследователи связывают с Великой французской революцией 1789 г. Она же сделала возможным его первое рациональное осмысление в политических теориях.

До 1970-х годов политический терроризм рассматривался в качестве маргинального общественного явления. После этого его значение стало неуклонно возрастать, но только в современную информационную эпоху он превратился в явление глобального масштаба [Rubin, Rubin, 2008]. Политический терроризм считают конфликтогенным фактором формирования современного «цифрового общества», по крайней мере в двух аспектах: как угроза власти большинства и принципам плюралистического управления и как сила, способная овладеть новыми видами вооружения или смертоносными технологиями и применить их против международного сообщества. К сожалению, цифровизация, искусственный интеллект, роботизация в современном социуме могут только способствовать этому.

Концепции безопасности, в рамках которых традиционно изучается политический терроризм, существенно дополняются и модернизируются таким научным направлением, как исследования конфликта. В соответствии с характерной для этого направления методологией политический процесс рассматривается как феномен, порождаемый конкуренцией и эксплуатацией. Предметом анализа выступают борьба различных групп за ограниченные ресурсы и механизмы использования элитой своего превосходства для доминирования над подвластными. Исследования конфликта создают оптимальную методологическую рамку для понимания и интерпретации политического терроризма как проявления интенсивной конфликтности [Современный терроризм... 2000, с. 5–8; 36–53].

Международный терроризм обычно понимается в политической науке как одна из разновидностей политического терроризма. Его основными акторами являются негосударственные террористические организации и группы – «террористические сети». В последний период они заявляют о себе как о полноправных участниках региональной и глобальной политики, осуществляют со-

вместные операции и блокируются с организованной преступностью, для которой в том числе характерны коррупционные связи с государственными структурами [Грачев, Мольков, 2016, с. 33–34]. Этот вид терроризма представляет наибольшую опасность для мирового политического порядка, так как стремится к его разрушению.

Политический терроризм в информационном обществе

Современное общество принято называть информационным. Главным механизмом его развития является информационно-цифровая революция. Она зародилась в конце 40-х годов XX в. и связана с возникновением кибернетики как науки об информации и управлении. Именно с этого момента общество живет в двух реальностях: традиционной и цифровой.

В России в ходе недавних публичных дискуссий было заявлено о необходимости развития цифровой экономики. В ряде стран такая задача была поставлена перед структурами управления на восемь-десять лет раньше. В частности, в Великобритании еще в 2010 г. парламентом был принят закон о цифровой экономике (*Digital Economy Act 2010*), за которым последовала разработка стратегии и конкретных планов. Сегодня Великобритания, наряду с США, Сингапуром, Германией, уже реально живет в условиях цифровой экономики. Для России переломным стал 2017 г., когда политическая элита страны и ведущие экономисты стали публично обсуждать тренды и проблемы процесса цифровизации экономики. Была принята правительственная программа, которая должна быть реализована в ближайшие годы.

Бурное развитие цифровизации связывают с промышленной революцией XXI в. В 2011 г. американский экономист Дж. Рифкин опубликовал книгу «Третья промышленная революция» [Рифкин, 2014]. В ней показано, что появились технологии, которые меняют производство, управление, жизнь человека. Его идеи нашли отклик и привели к дискуссиям в Китае, США, странах Европейского союза, на постсоветском пространстве – в Казахстане.

В 2016 г. К. Шваб в Давосе выдвигает новую идею – четвертой промышленной революции [Шваб, 2016]. Речь идет об интеграции всех технологий третьей промышленной революции на базе искусственного интеллекта. Ведущая роль отведена Интернету

вещей, робототехнике, созданию новых материалов с заданными свойствами. За четвертой промышленной революцией стоит конкретный проект «Индустрия 4.0», который подготовлен в Германии. Суть его – значительное увеличение производительности труда и прорыв в качестве социально-экономической жизни человека.

В марте 2017 г. в Ганновере премьер-министр Японии С. Абэ, выступая на выставке информационных и телекоммуникационных технологий (ее участниками стали свыше трех тысяч крупнейших мировых инновационных компаний, а посетило более 200 тыс. человек), заявил, что Япония подготовила новый цифровой проект – «Общество 5.0», предусматривающий перевод всего общества на цифровую основу.

На цифровые технологии переходит даже парламент. Искусственный интеллект будет готовить нормативно-правовые акты. Он и технологии больших данных определяют основные проблемы социального неравенства и будут их разрешать. И все это уже делается на основании пятилетнего плана, разработанного правительством Японии в 2016 г., – до 2021 г. Мир изменяется, параллельно идут традиционная жизнь и совершенно иная, цифровая.

Новая эпоха порождает масштабные социальные конфликты: многие люди в рамках четвертой промышленной революции теряют свои деньги, статусы, общественные позиции. Социальные изменения порождают несколько негативных тенденций, которые будут определять ситуацию на фоне развития цифрового общества. Первая тенденция – это увеличение социального неравенства, поскольку преимущество будут иметь те, кто полностью вошел в цифровую экономику (страны, регионы, сетевые корпорации, группы, принимающие решения). Те, у кого нет этого допуска, остаются на периферии мирового развития.

Вторая тенденция заключается в том, что увеличение социального неравенства порождает масштабные миграционные процессы. Перемещение больших групп людей значимо не только с точки зрения экономики – мобильность осуществляется в сопровождении традиционных ценностей, порождающих конфликт культур. Следовательно, возможны региональные войны и воспроизводство конфликта цивилизаций в глобальном масштабе. Наглядным примером являются слабо контролируемые властями потоки беженцев-мигрантов с Ближнего Востока в страны Европейского союза.

Те, кто в современном обществе владеют цифровыми технологиями, полностью контролируют властные рычаги, выборы, воздействие на умы, потому что цифровые технологии соединены с процессом психологического воздействия на людей. Цифровые общества имеют и преимущества биологического выживания, так как в них можно пользоваться достижениями цифровой медицины, которая увеличивает продолжительность человеческой жизни. Остальная часть мирового сообщества этих преимуществ не имеет и иметь не будет. Социальный разрыв, который существовал задолго до цифровой революции, по всей видимости, будет только увеличиваться. Конфликты, которые обусловлены этим процессом, приобретают формы так называемых «новых войн» (например, гибридных), сетевых «цветных революций», сетевого терроризма, кибертерроризма.

По мнению К. Арчетти, количество новых форм войны не будет уменьшаться, такие войны будут происходить наряду с традиционными [Archetti, 2015, p. 49–52]. Так, в современном конфликте в Сирии задействованы военные роботы – «дроны», которые используются для разведки, перехвата сигналов связи и поражения целей. Программы этих аппаратов могут обеспечивать автономное выполнение некоторых функций. Оснащенные взрывчаткой дроны применяют и террористы. Это уже новый тип войны.

В ряде стран приняты законы о защите информационной инфраструктуры, безопасность которой – одна из главных проблем современного общества. Свой потенциал мобилизации социальные сети продемонстрировали в постсоветских и арабских «революциях», которые называют революциями Фейсбука и Твиттера. Следствием развития информационных технологий является и сетевая природа современного терроризма.

Цифровизация современного общества создает абсолютно новые возможности для его последовательного развития и преобразований, но она же значительно понижает степень его безопасности. Появление новых технологий увеличивает вероятность их применения террористами в качестве средств поражения [Sageman, 2011, p. 197–198]. Однако возможность двойного использования новых, сугубо мирных технологий часто не только не предусматривается, но и не осознается их создателями, что представляет собой и этическую проблему.

Террористы эффективно используют возможности информационно-телекоммуникационных систем для связи и получения информации. Большинство террористических актов рассчитаны не только на массовые человеческие жертвы, нанесение материального ущерба, но и на информационно-психологический шок, воздействие которого на людей создает благоприятную обстановку для достижения террористами своих целей.

Кроме того, цифровое неравенство и появление проигравших информационную гонку стран могут послужить причиной для нового витка террористической активности против стран-лидеров.

В условиях формирования цифрового общества терроризм превратился в отдельную угрозу государственной целостности и международной стабильности. При этом особенно остро вопрос обеспечения информационной безопасности встает в контексте появления транснационального кибертерроризма [Terrorism and extremism... 2014].

Терроризм и СМИ:

Типы информационной политики в современном обществе

СМИ имеют постоянное влияние на рост политического терроризма [Wilkinson, 1973]. Глобальное распространение терроризма, его изменения и решающая роль средств массовой информации в этом процессе в последние десятилетия обуславливают необходимость исследования этого феномена.

Террористические организации признали важность средств массовой информации для удовлетворения своих целей. Между современным политическим терроризмом и медийными структурами существуют отношения тесного взаимодействия, поскольку средства массовой информации имеют отраслевые шаблоны для производства мультимедийного контента, отдавая предпочтение сенсационной информации, тогда как действия террористических групп ее обеспечивают [Кочои, 2005, с. 109]. Новейшая история предоставила много примеров взаимовыгодных отношений между террористическими организациями и СМИ.

Масштабные теракты доказывают, что террористические структуры используют СМИ в интересах сбора информации, вербовки, мобилизации финансовых ресурсов и пропаганды. Объяс-

нить вышеупомянутой симбиоз можно тем, что без освещения в СМИ влияние террористического акта на общественно-политическую систему окажется невозможным [Nia, 2010, p. 7–8].

Информационная революция, цифровизация общества постепенно формируют новую информационную политику по освещению феномена политического терроризма в СМИ. В ее основе лежит неприятие политического терроризма как способа решения проблем в современном обществе. До этого упор в информационной политике многих стран, страдающих от проявлений политического терроризма, делался на количество информационных сообщений о деятельности террористических группировок, а их содержание сводилось к констатации фактов угроз для политических лидеров или объектов инфраструктуры и информации об изменениях в законодательстве.

Новые методы освещения политического терроризма предполагают более информативную и ясную для аудитории политику. Ряд СМИ в различных странах уже осуществляют на практике комплексную информационную политику по проблемам терроризма, в частности, выполняют одну из важнейших функций в этой области – просветительскую, которая способствует эффективности профилактики терроризма в гражданском обществе.

С помощью новых методов реализуется более рациональная информационная политика. Также стоит отметить, что классическая информационная политика была более агрессивной и навязчивой, упоминание проблематики терроризма значительно превышало необходимые пределы. Вместе с тем она предполагала, что информация о дальнейшем ходе расследования террористических актов может быть представлена в СМИ незначительно.

Современные установки диаметрально противоположны. Главная задача средств массовой информации состоит в освещении хода расследования террористических актов, преследования террористов и пресечения их деятельности. Большое внимание уделяется проблемам контроля над возможным финансированием террористических организаций. Все это отвечает целям повышения уровня доверия общества к государственному аппарату, роста заинтересованности в противодействии этому глобальному негативному феномену [Sageman, 2011, p. 43–44].

В контексте общемировых трендов работают сегодня и российские СМИ. Здесь за последние 15 лет произошли значительные

изменения в информационной политике. Ушла в прошлое демонстрация жертв террористических актов, прямого насилия, стала невозможной реклама террористических групп, их сторонников и последователей, большое внимание уделяется выступлениям официальных лиц, а не субъективным интерпретациям событий журналистами. Основной упор делается на мнение аналитиков и экспертов, которые компетентны, владеют необходимой информацией, но не перегружают публичное информационное поле излишним профессиональным детализированием.

Связь и взаимодействие политического терроризма и средств массовой информации представляются неоспоримыми. Этот симбиоз изучают многие политологи, журналисты и специалисты в информационной сфере. Он является ключевым с точки зрения национальной и международной безопасности, поскольку СМИ стали оружием масштабного воздействия на общество, а террористические сети и организации пытаются обществом управлять.

Одной из основных целей террористов является привлечение внимания средств массовой информации, общественности и лиц, принимающих решения в правительстве. Чтобы обеспечить выгодное освещение терактов в СМИ, террористы тщательно выбирают места, в которых осуществляются теракты. Они специально просчитывают «эффективность» тех или иных мест, количество пострадавших и свидетелей. Им на руку играет современная тенденция превращать терроризм в «шоу», о чем свидетельствует освещение крупных террористических актов.

Представляется, однако, что цели террористов не сводятся к овладению вниманием общества. Через СМИ они пытаются пропагандировать свои политические взгляды, информировать как своих сообщников, так и противников о мотивах террористических актов, обосновывать и оправдывать насилие [Brigitte, 2006, p. 405]. Кроме того, они стремятся к тому, чтобы их главарей воспринимали как законных мировых лидеров, и в этом отношении средства массовой информации как бы уравнивают «борцов» с легальными политическими деятелями по статусу. Таким образом, для террористов СМИ являются инструментом, который позволяет сократить асимметрию между ними и их противниками в фактической и идеологической войне, создать атмосферу страха, узаконить их действия и достичь внимания больших аудиторий [Seib, Janbek, 2011, p. 122].

Причина этого заключается в том, что насилие является центральным и определяющим явлением в современной телевизионной культуре, значимо для большого числа интернет-сообществ, а в семиотическом и финансовом отношениях – для современных медиаорганизаций.

СМИ ориентированы на получение прибыли, в том числе в контексте противодействия терроризму: они работают на высококонкурентном медийном рынке, а значительное число топ-менеджеров средств массовой информации сегодня приходят из мира корпораций, а не из журналистской среды. Особенно это характерно для мировых медийных структур, формирующих глобальную аудиторию и общественное мнение посредством технологий фрейминга. Отношение аудитории к тому или иному явлению, характер реакции на него зависят только от того, как это будет передано в СМИ [Terrorism and extremism... 2014, p. 135].

Представляется, что через использование вышеуказанных методов средства массовой информации могут прямо или косвенно служить интересам террористов путем упрощения информации для зрителя до того, что она будет иметь мало общего с реальными событиями [Archetti, 2015].

Чтобы изменить симбиотические отношения между политическим терроризмом и медийными структурами, важное значение для средств массовой информации имеет анализ и пересмотр риторики при освещении новостей, связанных с терроризмом [Brigitte, 2006, p. 105]. СМИ не должны способствовать формированию и закреплению стереотипов, мифов и установок о тех или иных религиозных, этнических меньшинствах. Дихотомическая картинка (хороший / плохой) может вызвать социальные волнения в разделенных мультикультурных обществах, спровоцировать новые вспышки агрессии, гнева, создать условия для потенциальных вербовщиков.

СМИ обладают такими огромными возможностями привлечения внимания общественности к той или иной проблеме, каких нет ни у одного государства, и должны играть более значимую роль в противодействии терроризму [Хофман, 2003]. Тем не менее только комплексное взаимодействие средств массовой информации, государственной власти и гражданского общества может выступать эффективным инструментом решения этой глобальной проблемы. При обеспечении «информационного голода» для тер-

рористов станет возможным проведение более масштабных мер на уровне национальной политики, чтобы выиграть идеологическую и информационную борьбу с терроризмом [Midlarsky, 2011; Rubin, Rubin, 2008].

Представляется, что российские СМИ, несмотря на современные условия информационной войны с западными странами, должны в рамках освещения проблем политического терроризма перейти к политике его профилактики и просвещения граждан, а не сводить к минимуму информационные сообщения об ужесточении законодательства и констатировать, что мировое сообщество столкнулось с проблемой глобального терроризма.

В последние годы средства массовой информации значительно трансформировали свои собственные формы и контент. Доступность Интернета, появление интернет-СМИ, социальных сетей, мессенджеров, телеграмм-каналов создают совершенно новую коммуникационную реальность. Все эти новые средства массовой информации используются и террористическими группировками для пропаганды их идей, осуществления глобального насилия. Новые СМИ по-прежнему взаимодействуют с террористическими группами и организациями, только теперь характер их интеракции приобрел совершенно новый, сетевой характер [Seib, Janbek, 2011].

Политический терроризм как сетевой сегмент гибридных войн современности

Политический терроризм часто интерпретируется в научной литературе как «нетрадиционная угроза международной и национальной безопасности» [Кокошин, 2013; Тренин, 2015]. По всей видимости, подобная трактовка постепенно уступит место пониманию терроризма как главной угрозе международной безопасности в XXI в. Наиболее значимыми глобальными примерами в этом плане являются события 11 сентября 2001 г. и экспансия запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» на Ближнем Востоке и в других регионах мира.

Любые типы конфликтов в «цифровом обществе» демонстрируют возрастающее влияние информационных и коммуникационных факторов. В гораздо большей степени, чем когда-либо, эти

конфликты связаны с использованием технологий «мягкой силы». Противоборствующие стороны активно обращаются к информационным атакам и психологической дезориентации противника, что является не менее значимой задачей в конфликте, чем физическое устранение противника. «Буря в пустыне» (операция многонациональных сил по освобождению Кувейта в 1991 г.) стала Рубиконом в переходе от обычной к гибридной войне с использованием новейших информационных технологий того времени и новейших методов «бесконтактной войны». Операция ВКС России в Сирии сопровождалась информационной битвой отечественных СМИ с «Белыми касками» (неправительственной добровольческой организацией «Сирийская гражданская оборона»), которые получали в это время финансирование от США и ряда европейских стран.

Таким образом, основные изменения в современных гибридных войнах связаны с отношением характера противоборствующих сторон, видов угроз, которые они могут представлять, а также в способах ведения конфликта. Угрозы информационного общества, в том числе в сфере противодействия терроризму, стали более неоднозначными и неопределенными в сравнении с традиционными угрозами войн и вооруженных конфликтов недавнего прошлого [Midlarsky, 2011, p. 331].

В «цифровом обществе» реальную опасность могут представлять не только хорошо организованные и сплоченные террористические организации, но и прежде никому не известные малочисленные группы маргиналов или даже террористы-одиночки («индивидуальный терроризм»), которые появляются внезапно непосредственно перед нанесением удара и стремительно исчезают после него.

Инновации, которые определяют характеристики политического терроризма в «цифровом обществе», следует искать в сферах организации, направленности и технологии террористической деятельности.

В организационном отношении политический терроризм продолжает движение от иерархических к сетевым структурам информационного общества. Вертикальное подчинение уступило место децентрализованной координации. Основные усилия направлены на формирование транснациональных сетей, а не традиционных иерархических организаций.

Главная проблема, связанная с противостоянием общества и террористов, порождена тем, что любые формы государственного противодействия в информационную эпоху малоэффективны. Государство имеет иерархический характер и не может эффективно противостоять сетевым террористическим организациям. Это касается даже наиболее сильных государств и мощных спецслужб развитых стран. Обезвредив одну или несколько групп террористов, спецслужбы не могут парализовать деятельность всей сетевой организации, поскольку выход на центры принятия решений здесь практически невозможен. Для эффективного противостояния сетевым террористическим структурам необходимы сетевые негосударственные акторы [Schoorman, Taylor, 2018; Terrorism and extremism... 2014].

По направленности деятельности некоторые террористические группы выбрали в качестве приоритетных объектов своих атак вооруженные силы стран НАТО, Китая, России, Ирана и их инфраструктуру. В то же время, оценив потенциал «информационно-психологических операций», другая часть террористических сетей использует стратегию нарушения работоспособности системы. Наибольшую сложность по противодействию политическому терроризму представляет тактика сворминга (пчелиного роя), которая предполагает наличие распределенной сети разрозненных звеньев, атакующих выбранную цель одновременно с различных направлений. Задействованные звенья сети должны быть способны оперативно и скрытно сконцентрировать силы в нужном месте и в нужное время, нанести удар, а потом молниеносно исчезнуть, оставаясь при этом в постоянной готовности собраться вновь и в другом месте [Рифкин, 2014]. Подобную тактику террористическая организация «Исламское государство» использовала в боях против российского спецназа и различных частных военных компаний в Сирии.

В технологической сфере террористы используют в полном объеме передовые информационные технологии как в оборонительных, так и наступательных целях, а также в обеспечении самих сетевых организационных структур.

Все вышесказанное позволяет предположить, что направленность эволюции современного терроризма может быть концептуализирована понятием «гибридная (сетевая) война». Рост и развитие сетей связаны с распространением передовых технологий,

которые позволяют разрозненным группам и даже индивидам осуществлять заговоры, вести подпольную деятельность, координируя свои усилия на значительной географической дистанции.

Развитие сетей способно преобразить облик терроризма в информационную эпоху, способствуя принятию на вооружение стратегии и тактики гибридной войны. Оно предполагает постепенное смещение баланса сил в пользу негосударственных акторов, способных образовывать мультиорганизационные сетевые структуры с большим успехом, чем иерархически организованные государственные субъекты. Сети негосударственных акторов в сравнении с иерархиями представляются более гибкими и адаптированными к меняющейся среде и более эффективными в использовании информационных ресурсов в процессе принятия решений [Archetti, 2015; Malthaner, 2018; Schuurman, Taylor, 2018].

Во многих странах противодействие политическому терроризму включает в себя, во-первых, антитеррористическую политику – оборонительные меры, направленные на то, чтобы снизить уязвимость отдельных лиц и объектов (в частности, это касается обеспечения безопасности полетов на воздушном транспорте), и, во-вторых, контртеррористическую политику – наступательные меры, используемые для предотвращения и сдерживания террористических актов или в ответ на них.

Важно отметить, что государственная политика по противодействию терроризму должна включать в себя решение целого блока социально-политических проблем (достижение реального равноправия, борьба с нищетой, разрешение этнических противоречий и конфликтов и т.п.), что помогает предотвратить новые теракты. Другой стороной государственной политики являются контртеррористические действия, направленные на активную борьбу с реальными проявлениями терроризма.

Умело выстроенная и отлаженная государственная политика по противодействию терроризму дает возможность некоторым государствам (например, Израилю) уже на раннем этапе предотвращать значимое большинство планируемых террористических актов, однако полностью избавиться от угрозы терроризма ни одно государство современности не может.

Отсюда следует, что в цифровом обществе терроризм необходимо воспринимать не столько как проблему, ожидающую своего решения, сколько как постоянно меняющуюся угрозу [Полито-

логия... 2007, с. 705]. Углубляющееся социальное неравенство в информационную эпоху, по всей видимости, будет только расширять спектр социальных протестов, ведущих к прямому насилию, прежде всего, к актам политического терроризма. Сетевой характер террористической деятельности в информационную эпоху делает ее составной частью новых войн и прежде всего гибридной войны.

Понятие «гибридная (сетевая) война» имеет широкую интерпретацию и включает: гражданскую войну, вооруженный конфликт низкой интенсивности, контртеррористическую операцию и даже военные конфликты, носящие нерегулярный характер. Многие акторы гибридных войн по сути являются негосударственными. Часть из них выступают в качестве агентов национальных государств (например, частные военные компании), другие пытаются превратить государства в своих агентов. Целый ряд акторов (террористические и криминальные сети) угрожают интересам национальных государств, патронируют глобальные наркотрафики, пытаются создать религиозные государства с авторитарно-теократическими режимами.

Классический пример – террористическая организация «Исламское государство», которая сформировала квазигосударство-халифат на территории Сирии и Ирака. В 2017 г. это квазигосударственное образование практически перестало существовать благодаря военным операциям сирийской армии при российской поддержке и наступлению иракской, оппозиционной сирийской армий, курдских военизированных подразделений при поддержке международной западной коалиции. Несмотря на военную победу антитеррористических сил перспективы «Исламского государства» до конца не ясны. Сетевая структура террористов позволяет им существовать и развиваться, даже не имея значительных территорий. Ресурсы этой организации, к сожалению, не исчерпаны и могут быть восстановлены в современном информационном обществе [Malthaner, 2018].

Несмотря на способность к регенерации сетевых террористических структур и наличию противоречий и конфликтов среди великих держав и международных организаций в сфере глобального противодействия политическому терроризму, существует ряд мер по его эффективной профилактике. Они включают обычно формирование и введение в действие глобальных режимов кон-

троля над средствами террора (например, материалами для производства нервно-паралитического и бактериологического оружия), использование принудительной дипломатии против государств или квазигосударств, которые оказывают открытую помощь террористам (Сомали, Вазиристан и др.), превентивное применение средств разведки и военной силы против террористов (лагерей, баз, лидеров террористических сетей и групп в Афганистане, Сирии, Ираке, Судане и др.) и проведение международных коалиционных антитеррористических операций (на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и др.).

Список литературы

- Грачев С.И., Мольков С.Н.* Современный международный терроризм: Реальность и проблемы противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. – Казань, 2016. – № 2. – С. 32–35.
- Кокошин А.* Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. – М.: Высшая школа экономики, 2013. – 261 с.
- Кочои С.М.* Терроризм и экстремизм: Уголовно-правовая характеристика. – М.: Проспект, 2005. – 175 с.
- Политология: Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 800 с.
- Рифкин Дж.* Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 410 с.
- Современный терроризм: Состояние и перспективы / Под ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 240 с.
- Тренин Д.* Россия и мир в XXI веке. – М.: Эксмо, 2015. – 384 с.
- Хофман Б.* Терроризм: Взгляд изнутри = Inside terrorism. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 317 с.
- Шваб К.* Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 138 с.
- Archetti C.* Terrorism, communication and new media: Explaining radicalization in the digital age // Perspectives on Terrorism. – Lowell, 2015. – Vol. 9, Iss. 1. – P. 49–59.
- Brigitte N.L.* Terrorism / counterterrorism and media in the age of global communication // United Nations university global seminar second Shimame-Yamaguchi session «Terrorism – a global challenge», 5–8 August 2006. – Tokyo, 2006. – 745 p. – Mode of access: http://archive.unu.edu/gs/files/2006/shimane/Nacos_text_en.pdf (Дата посещения: 26.08.2018.)
- Laquer W.* The age of terrorism. – Boston: Little, Brown, 1987. – 320 p.
- Malthaner S.* Spaces, ties, and agency: The formation of radical networks // Perspectives on Terrorism. – Lowell, 2018. – Vol. 12, Iss. 2. – P. 32–43.

- Midlarsky M.I.* Origins of political extremism: Mass violence in the twentieth century and beyond. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2011. – 442 p.
- Nia M.M.* From old to new terrorism: The changing nature of international security // *Globality Studies Journal*. – N.Y., 2010. – N 8. – P. 1–12.
- Rubin B.M., Rubin J.C.* Chronologies of modern terrorism. – Armonk; N.Y.; L.: M.E. Sharpe, 2008. – 455 p.
- Sageman M.* Understanding terror networks. – Philadelphia, PA: Univ. of Pennsylvania press, 2011. – 232 p.
- Schuurman B., Taylor M.* Reconsidering radicalization: Fanaticism and the link between ideas and violence // *Perspectives on Terrorism*. – Lowell, 2018. – Vol. 12, N 1. – P. 3–22.
- Seib Ph., Janbek D.M.* Global terrorism and new media: The post-Al Qaeda generation. – Abingdon; N.Y.: Routledge, 2011. – 142 p.
- Terrorism and extremism: Critical issues in management, radicalisation and reform / Ed. by A. Silke. – L.; N.Y.: Routledge, 2014. – 312 p.
- Wilkinson P.* Three questions on terrorism // *Government and Opposition*. – L., 1973. – Vol. 8, N 3. – P. 290–312.